

Воздушный стрелок. Гранд

Автор:

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Гранд

Антон Витальевич Демченко

Воздушный стрелок #3

Самое страшное проклятие у китайцев: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» Если так, то Кирилл Николаева явно проклял весь китайский народ. Не успел мещанин Николаев выкрутиться из неприятностей с клубом эфирников и отвести от себя угрозу со стороны бывших родственников, как навалились новые неприятности. Мятеж в столице недавно спокойного Русского государства подхватывает людей, словно ураган листья, и несет их сквозь дым и пожары к грандиозной катастрофе. Грохочут по древней брусчатке гусеницы бронемашин, гремят в ночи взрывы и горят дома. Владетельные и служилые бояре увлеченно режут друг друга, не гнушаясь ничем, привлекая на свою сторону европейских наемников и бросая в атаку собственные дружины. И среди всего этого сумасшествия Кирилл крутится как белка в колесе, пытаясь защитить своих близких и не влезть при этом в разборки меж боярами и государем.

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Гранд

Пролог

А ведь Прутнев в тот день, когда продемонстрировал мне памятную доску с именами Кирилловой мамы и ее отца, ни словом не соврал. Хотя и всей правды тоже не поведал. Только не по злему умыслу, а по незнанию. Никита Силыч Скуратов-Бельский, генерал и гранд, боярин и глава одного безымянного ведомства, действительно умер в срок, выбитый на каменной плите в церкви при малоизвестной эфирной школе... для мира. Иными словами, он принял постриг... непременным условием которого является отпевание. Уж не знаю, какие такие игры спецслужб подвигли его на этот шаг, но факт остается фактом: для всех и вся, друзей и врагов, Скуратов-Бельский умер, а в Аркажском монастыре появился монах Варфоломей. Надо думать, и сам монастырь этот мало похож на обитель православных монахов, но тут никакой конкретики я не услышал и... честно говоря, был этому только рад, поскольку есть у меня подозрение, что тайна – из разряда государственных. А зачем мне эта головная боль?

Но если отбросить лукавство, придется честно признать, что все это было лишь запоздалыми попытками отбрыкаться от участи секретносителя. Я не люблю секретов еще с тех пор, когда служил Там. Каждая подписка – это лишняя головняк, грозящий обернуться вычеркиванием из списка живых. Да о чем говорить, если я и здесь оказался только потому, что кое-кто из большезвездных генералов решил перестраховаться, уничтожив единственный более или менее доступный источник информации о «секретных методиках подготовки специалистов Центра-2».

Почему попытка была запоздалой? Да потому что я уже вляпался в гостайну. Вот как переступил порог монастыря, так и... А уж после встречи с дедом в лучшем стиле индийских кинолент – и вовсе впору ставить мне на лоб гриф секретности и упрятать куда-нибудь в сейф, чтобы, не дай бог, какая контра чего не прознала...

А Никита Силыч, кстати говоря, именно секретностью и оправдывал свой отказ от участия в жизни внука, после чего попросил рассказать ему «кратенько», как и чем я жил с восьми лет. За что и получил в торец второй раз, только уже Эфиром, от которого, правда, почти успел закрыться. Ничего, огреб не очень сильно, зато почти моментально протрезвел. А следом за ним и я, схлопотав в свою очередь эдакий «эфирный подзатыльник». Опытный, зар-раза.

– А о чем рассказывать-то, Никита Силыч? – поинтересовался я, когда очухался от оплеухи и, подождав, пока в глазах перестанут мельтешить цветные круги,

сфокусировал взгляд на Скуратове. – Вам же Гдовицкой наверняка обо всем докладывал, по линии этого идиотского клуба...

– Если бы! – фыркнул Никита Силыч, тряхнув головой. Видать, тоже еще не совсем отошел от моего «подарка». – Молчал он, как партизан. До последнего. Клятва роду не шутка. А Владимир Александрович не тот человек, что поступает своим словом. Да и потом, когда тебя уже познакомили с клубом, он был поразительно немногословен. «Не имею права, спрашивайте у него сами». Нет, если бы я мог сам перед ним засветиться, он бы, может, что-то и рассказал. А так... «дела рода» – и точка. Щепетилен господин Гдовицкой.

– М-да. Все-таки тащите вы меня в этот междусобойчик эфирников. За уши волочите, – вздохнул я. Старик в ответ делано покачал головой вроде как с удивлением, заставив меня фыркнуть. – А что, не так? Если уж вы Гдовицкому не захотели сообщить о себе...

– Подожди-подожди, Кирилл! – Скуратов-Бельский поднял руки в защитном жесте, и показное удивление слезло с его лица, словно шелуха. – Владимир хоть и член клуба, но прежде всего он боярский сын Громовых, и абсолютного доверия к нему ни у меня, ни у моего ведомства быть не может. Равно как и к главе рода Громовых. Ты сам это должен понимать. Собственно, среди твоих нынешних знакомых лишь отец Илларион в курсе этой «игры в прятки»... Моя нынешняя работа совершенно не предполагает публичности, знаешь ли.

– Ага. Понимаю. А мне, значит, вы доверяете безусловно, да? – Я скептически хмыкнул. – И предполагается, что от осознания этого факта мое эго надуется от гордости, а я сам расплывусь в счастливой улыбке и радостно, дружными рядами, но самое главное – молча пошагаю нога в ногу с эфирниками? Или, может быть, даже встану на довольствие в вашей нынешней организации? На фиг.

– Вот ведь ерш, а! – вздохнул мой собеседник. – Кирилл, тебе никто не говорил, что ты параноик?

– Так ведь не я такой, жизнь у меня такая... – Я развел руками, но после недолгого молчания все-таки уточнил: – Ну ладно, не вся. Но сознательная половина – точно.

– Рассказывай.

– И с чего начинать? – спросил я.

– С самого начала. Я ведь о твоей жизни до эмансипации вообще ничего не знаю. Не было у меня возможности хоть как-то за тобой присматривать. Сначала «хвосты» подбирал, чтобы ни одна сволочь обо мне не пронюхала, а когда кризис миновал, ты уже под опекой Громовых оказался... а там моих людей нет. Как и в большинстве боярских родов, впрочем. Не моя епархия... – качнул головой Скуратов и, глянув на притаившегося серой мышкой в углу комнаты Ефимия, кивнул ему на дверь.

Монах молча поднялся и вышел вон. Вот дисциплина. Ни словом, ни жестом не показал, как ему интересно. Встал и ушел... старательно, но топорно прикрывая эмоциональный фон, который так и штормило от любопытства. М-да уж. Проводив взглядом подчиненного, дед дождался, пока за ним закроется дверь, и, расплескав по серебряным чаркам очередную порцию меда, приготовился слушать.

Ну я и рассказал... Нет, это не была жалоба или попытка вышибить из родственника слезу, просто... обидно стало за мальчишку, который при живых родственниках вдруг оказался не нужен ровным счетом ни-ко-му. Хотелось хоть немного расшевелить сидящего напротив меня упрямого старика, посвятившего жизнь какой-то не очень понятной мне цели и ради нее забившего на единственного внука, сбавив его родичам зятя. Хотелось увидеть хоть что-то живое в его глазах. Убедиться, что передо мной не винтик ржавой государственной машины, а нормальный человек...

Именно поэтому, старательно переверосив память Кирилла, я принялся излагать его краткое жизнеописание. Монотонно, с перечислением методов обучения в семье Громовых, всех запомнившихся причин для визитов в медблок, о тех, что не запомнил, находясь в отключке, тоже упоминал, честно предупреждая, что сведения о них нужно уточнить в медкарте. Не забыл поведать об отношении родичей к «нахлебнику-слабосилку»... В общем, рассказал все, что вспомнил. Ну и как вишенка на торте – похищение Романом Томилиным.

Вотще. Старик закрылся наглухо. Слушал внимательно, но ни жестом, ни словом не выдал своих эмоций. Правда, когда речь зашла о родственниках ныне покойной Ирины Михайловны, мой собеседник едва заметно напрягся, но это было единственное проявление хоть каких-то эмоций с его стороны.

– Что замолчал? Жалуйся дальше. Насколько я знаю, последние полгода у тебя были ничуть не менее щедрыми на злосчастья, – спокойным ровным тоном предложил Скуратов-Бельский, откидываясь на спинку стула.

– Жаловаться? И в мыслях не было, Никита Силыч. Вы спросили, я рассказал. И помощи или сострадания просить не собираюсь, – пожал я плечами. – Со своими проблемами, как вы могли заметить, я справляюсь сам.

– Хм... не буду спорить. Хотя некоторые твои решения меня, прямо скажу, не устраивают, – после недолгого молчания заключил монах Варфоломей... Хотя какой он монах? Ряженный! И плевать, что постриг был настоящим.

– А вот это уже ваши проблемы, и можете справляться с ними сами, как хотите, – ощерился я в ответ и, отсалютовав старику чаркой, махом ее опростал. Скуратов же покрутил в ладонях свою порцию, сделал небольшой глоток и, поставив чарку на стол, с интересом уставился на меня.

– Кирюша, а ты не забыл, часом, с кем разговариваешь? – тихо, но с намеком на угрозу спросил дед.

– Хм... с монахом неизвестного ордена? – ухмыльнулся я, и мой собеседник с шумом выдохнул воздух, отчего жестко очерченные крылья его носа затрепетали. Как играет, а! Вот только в эмоциях полный штиль.

– У православной церкви нет орденов, – заметил он наконец и вздохнул. – Кирилл, не ершись. Я прекрасно понимаю твою обиду, но поверь, если бы у меня была хоть малейшая возможность участвовать в твоей жизни, не раскрывая инкогнито, я бы ее не упустил. К сожалению, это было нереально.

– И что же изменилось? – поинтересовался я.

Скуратов в ответ чуть не прожег меня взглядом.

– Многое. Но об этом мы можем поговорить чуть позже, – чуть помедлив, тихо ответил дед. – А пока расскажи, что было после похищения Томилиным. Я, конечно, уже прочел отчеты групп наблюдения Преображенского приказа, но они не дают полной картинки. А ты был участником событий...

– Хм... – Вот ведь непробиваемый старик... что тот носорог. Ладно, добавим чуть-чуть юношеской обидчивости. – А зачем? Чтобы вы опять заявили, что я жалуюсь?

– Кирилл, извини. Я был не прав, – почти через силу выдавил из себя Скуратов-Бельский, и вот сейчас я поверил искренности его эмоций. Уж очень характерный след оставило это усилие в Эфире... Ну что ж, ладно. Никто и не говорил, что все будет просто и розово...

Второй рассказ занял куда меньше времени, а когда я закончил повествование, Скуратов посмотрел на меня долгим, совершенно пустым взглядом и неопределенно покачал головой.

– И ты винишь во всем Бельских? – поинтересовался он.

– Честно говоря, если бы не запись переговоров майора «Северной Звезды», я, наверное, в первую очередь заподозрил бы Громова-старшего, – помедлив, ответил я. – И только во вторую – ваш клуб.

– Вот как? – А вот сейчас его бесстрастность дала трещину, и Эфир плеснул удивлением. – И почему же?

– Ну, ему было проще всего организовать давление на меня. Покойному Громову достаточно было один раз посетовать на свою ошибку в оценке способностей внука при разговоре с директором и чуть намекнуть ему о желательности отчисления такого слабого и необязательного ученика, бросающего тень на славное имя гимназии. Тогда как тем же Бельским пришлось бы искать очень веские аргументы, чтобы директор решился на конфликт с Громовыми, отчисляя протезе их рода. Да и в случае с моей недвижимостью история похожа. Документально там все было законно, так что могло заставить жадного чинушу отыграть назад? Только полная уверенность, что этот финт ушами останется безнаказанным. Стал бы муниципальный чиновник лезть в игры боярских родов в попытке урвать свой кусок и гарантированно навлечь на себя

гнев Громовых, которые, как он был уверен, стоят за моей спиной?

– Хм, он тоже мог действовать под давлением... – протянул Скуратов-Бельский.

– Мог... но в этом случае, как мне кажется, советник Коржин не преминул бы поставить в известность Громовых, просто чтобы обезопасить себя от их гнева. А Федор Георгиевич непременно поделился бы этой информацией со мной, чтобы не нарушить нашего «договора о невмешательстве».

– Что за договор? – удивился старик. Есть, я все-таки его пробил!

– А это один из аргументов в пользу невиновности Громова-старшего, – развел я руками.

Дед заерзал на месте. Ну-ну, вот теперь поговорим серьезно... и Эфир мне в помощь!

Часть первая

«Ты туда не ходи, ты сюда ходи...»

Глава 1

«О, сколько нам открытий чудных...»

Я могу как угодно относиться к деду и, если честно, добротой к нему совсем не дышу, но не признать, что он умен, не могу. Точнее, очень умен. Мои ощущения, подкрепленные результатами допроса майора «Северной Звезды», этот старик прокачал, что называется, на раз-два. И я даже не буду говорить, что вот, мол, будь у меня такое же понимание подводных течений здешнего высшего общества, да знание политических раскладов, да его жизненный опыт – я бы тоже так смог. Фигу. Я боевик и неплохой инструктор,

кое-кто зовет меня даже учителем, а Скуратов-Бельский... Хм, пусть генетики говорят что угодно, но если представители одного рода на протяжении столетий занимаются каким-то делом, пусть даже таким «широкопрофильным», как охрана государства, то рано или поздно их умения выйдут на другой качественный уровень. Иными словами, способности к анализу и просчету вероятностей у Никиты Силыча – это что-то с чем-то, а уж подкрепленные интуицией и сверхчувственным восприятием Эфира... это не человек, а суперкомпьютер какой-то, причем линейной логикой там и не пахнет.

Деду хватило моего рассказа, чтобы сложить два и два. Уж не знаю, какую роль в проведенном им анализе сыграла его собственная информированность, но результат был... удручающим. Для меня.

– Кирилл, – встрепенувшись и открыв глаза, старик прервал таймаут, взятый им на полчаса сразу после того, как я закончил свой рассказ. И, смерив меня долгим изучающим взглядом, заявил: – Я попрошу тебя выполнить одну мою просьбу, точнее, задать кое-кому один вопрос, и если ответ будет положительным, то... С меня настоящее имя твоего «злого гения». Идет?

– Считаете, это не Бельские? – нахмурился я.

– Вопрос, Кирилл. Потом будет мой ответ, – покачал головой Скуратов-Бельский.

Я пожал плечами.

– Хорошо. Какой вопрос и кому я должен его задать?

– Нынешнему главе рода Громовых. – Старик на миг притормозил, но тут же, мотнув головой, словно избавляясь от какой-то назойливой мысли, продолжил: – Не уверен, что он прямо ответит на этот вопрос, но попробуй узнать причину отстранения Георгия Дмитриевича от главенства в роду. И если ответ будет связан с душевной болезнью, то я раскрою тебе цепочку своих умозаключений и назову имя твоего недоброжелателя. Но предупреждаю: доказательств у меня нет, есть только сами умозаключения. Если же нет, то мы забудем об этом разговоре. Добро?

– Мне Алексей уже сказал. Домашнюю версию, так сказать... – протянул я и, встретив заинтересованный взгляд деда, кивнул. – Согласно ей, Георгий

Дмитриевич тихо поехал рассудком.

– Вот так, – удовлетворенно улыбнулся мой собеседник. – Вот и сложилась наша головоломка. Теперь на все сто процентов. Жора всегда отличался гипертрофированной, почти фанатичной ненавистью к иезуитам и неустойчивой психикой. М-да... Впрочем, среди людей нашего поколения, тех, кто прошел и не забыл княжьего мятежа и Великой войны, проблемы с психикой – штука совершенно обыденная. Ничего удивительного... совсем ничего. Недаром же бо?льшая часть глав родов сегодня состоит преимущественно из наших детей, и далеко не самых старших. Хотя патриархов семей и сегодня хватает. Хм. Никогда не задумывался об этом, Кирилл? Почему бо?льшая часть еще живых старейших представителей родов не возглавляет их по праву?

Ничего себе откровение... Я взглянул на замолчавшего старика, но тот успел вновь погрузиться в свой странный транс. На этот раз ему хватило всего минуты. А когда он открыл глаза... у меня мурашки по спине пробежали от его взгляда... хорошей такой маршевой колонной. Последний раз такое со мной было еще Там, перед тем как по берегу, где скрывалась наша группа, отработала корабельная артиллерия. Непередаваемые ощущения... да.

Скуратов-Бельский тем временем успел подобраться и чуть ли не к бою подготовиться. По крайней мере я четко ощутил собирающийся вокруг него Эфир.

– Кирилл, – не сводя с меня взгляда потемневших глаз, старик медленно выпрямился в кресле и заговорил, тяжело роняя слова, – отрицать твоего права на подобные действия я не могу, сам бы поступил аналогично, но... надеюсь, что ко мне в гости ты не придешь так же, как к Георгию... или Ирине. Как гранд гранду – не советую.

– Вы о чем? – Я растерянно и непонимающе взглянул на деда. Че-орт! Догадался... но как? Как?!

– Ты услышал, – сухой и короткий ответ. Но в глазах все же мелькнула тень неуверенности.

Ага, значит, прочесть меня он сейчас... Хотя не факт. А тучи-то сгущаются, да... Эх, я вообще-то живым отсюда выйду или как?

– Хм... пусть так. Но вы же не собираетесь идти по стопам уважаемого Георгия Дмитриевича и его невестки, правильно? – осторожно проговорил я, и дед после короткого раздумья напряженно кивнул. Во как, не на меня одного атмосфера давит, оказывается.

– Согласен.

Вот и договорились... До союзников нам, конечно, еще грести и грести, но нейтралитет уже есть. И то хлеб. Воевать с этим я не собираюсь... да и дед, судя по всему, отнюдь не горит желанием выйти против меня на бой. Но самое главное, он явно не станет сдавать меня полиции... Да и причитать о падении нравов и ужасаться моей «жестокости», кажется, тоже не намерен. Боярские заморочки... но сейчас я только рад этим «средневековым вывертам», как говаривала Агнесса – громовский преподаватель этикета.

Мы со Скуратовым одновременно потянулись к меду, глухо звякнули, столкнувшись, серебряные чеканные бока. Отсалютовав друг другу чарками, одновременно их осушили, и как-то незаметно напряжение растаяло, оставив на память разве что треснувшие стекла в низком окне да осыпавшиеся мелким крошевом стеклянные же дверцы книжных шкафов.

– Ну вот, опять Ефимию порядок здесь наводить, – со вздохом констатировал дед и, покосившись на меня, махнул рукой. – Спрашивай... вижу же, что неймется.

– А чего спрашивать, по-моему, и так ясно, разве нет? Я сейчас чувствую себя, как Ватсон рядом с Холмсом, и на языке только один вопрос вертится: «Но, черт возьми, ка-ак?!»

– На самом деле это несложно, – пожал плечами чуть расслабившийся собеседник, пускаясь в объяснения.

М-да, осознать, что Кирилла с малолетства готовили как какого-нибудь шахида, это было... сильно. Психологическая ломка по всем правилам. Ликвидация любых привязанностей, ограничение общения и постоянное давление, не дающее расслабиться... Знакомые технологии, и чертовски эффективные, признаюсь. Понятно, что моя эмансипация внесла изрядные коррективы в план поехавшего рассудком Георгия Дмитриевича. Пришлось деду срочно придумывать,

как обламывать начавшие появляться личные связи. У самоубийцы не должно быть собственного дома или места, которое он мог бы назвать таковым. И в бывший конный клуб зачастили незваные гости... ну и попытка отжать мою собственность как завершающий штрих... Вот, кстати, по поводу неожиданных визитеров, а не мог старый урод как-то повлиять на действия невестки? Уж больно вовремя она нарисовалась на пороге моего дома. Хм, тут даже Никита Силыч спасовал, не сумев ответить на вопрос. Ладно, не так уж важно.

Идем дальше. У будущего оружия не должно быть личных привязанностей. И меня запихивают в школу, где отношения между учениками в большинстве своем строятся на жесткой конкуренции, праве силы и старшинства. Только тут я сам походя смешал Громову-старшему карты, пооткрывав кучу клубов, даже не подозревая, что администрация гимназии, оказывается, давно и старательно гнобит «лишние» школьные организации, оставляя только минимально необходимое их количество с разновозрастным составом, который только подогревает конкуренцию внутри самих клубов и соперничество между ними. Все во имя победы, ага. Облом. Десяток новых клубов просто размыл эту самую конкуренцию, вместе с соперничеством. А уж форма подачи проектов и вовсе уничтожила ее остатки.

Затем... затем орудию нужно дать мотив для перехода на «темную сторону», то есть для побега из страны в распахнутые объятия иезуитов, и, учитывая, что давления аристократии на мещанина в школе я просто не заметил, в ход пошла тяжелая артиллерия связей отставного комнатного боярина. Да-да, Преображенский приказ, кровавое пугало, которое должно было отвратить меня еще и от эфирников. Недаром же Переверзев светил визиткой Прутнева... Вообще стоит только удивляться, с какой скоростью покойный боярин генерировал свои планы.

Ну и под занавес – попытка повлиять на меня через Ольгу. Представить невесту шалавой, ославить ее на весь свет – это же какое разочарование для влюбленного пятнадцатилетнего парня! А заодно эта выходка обрубилась бы мне любой намек на возможность быть принятым в обществе, независимо от исхода дела. Расстались бы мы с Ольгой или остались вместе – житья в столицах нам бы не было обоим. В общем, по зрелом размышлении я пришел к выводу, что правильно сделал, отправив Георгия Дмитриевича на тот свет. Туда ему и дорога. Будь моя воля – оживил бы тварь и заново прикончил, раз десять подряд...

– А вот тут, кстати говоря, мог быть и второй слой... – задумчиво протянул Скуратов-Бельский в ответ на мое рычание по поводу попытки Громова-старшего превратить мою невесту в нимфоманку. Я непонимающе взглянул на собеседника. – Как думаешь, каким способом тебя намеревались «взорвать» после твоего попадания к иезуитам?

– Без понятия, – пожал я плечами. Понимаю, что у урода был какой-то план, как подсунуть меня папистам, но вот как он намеревался повернуть меня против них... не знаю.

– Смерть Люды и Николая была устроена по указке иезуитов, – тихо произнес старик. – У меня до сих пор руки слишком коротки, чтобы их достать. Точнее, заказчиков. Что же до тебя... Ты был слишком мал, чтобы хорошо запомнить родителей, и не факт, что захотел бы мстить за их смерть. Громов не мог этого не учитывать. Так что, думаю, если бы не Ольга, тебе подвели бы какую-нибудь другую девочку, а потом... разыграли бы тот же самый сценарий, а в нужный момент подсунули бы доказательства причастности иезуитов к этой неприглядной истории.

– А зачем тогда нужно было валить все на Бельских? Или они, как и Томилины, были связ... – Я поднял взгляд на старика. – «Северная Звезда» и «Гончие»... Одного поля ягоды?

– Хм. А вот в это я тебе соваться не советую, – нахмурился Скуратов. – Не знаю, откуда у Громова была эта информация и зачем он привязал к этому делу Бельских, но это уже совсем другие игры, Кирилл. И проходят они по совершенно другим правилам. Это политика. Прими добрый совет: не стоит в нее лезть.

– Вот чего мне не нужно – так это политических и шпионских игр. Своих проблем хватает, – проворчал я.

– Вот и замечательно. Кстати, Кирилл, а не скажешь, с чего вдруг ты решил, что эти отряды... оба связаны с папистами? – вкрадчиво поинтересовался Скуратов-Бельский.

Во попал... Думай, голова, думай! Шапку куплю, из песка, ага. Того самого, который сейчас ко мне подкрадывается. А то, глядишь, и без «Визелей»

останусь.

– Хм... перед смертью Роман Томилин молился на латыни...

– А ты откуда знаешь? – удивился дед. – Ты же вроде бы в это время уже в мещанах обретался?

– Так ведь... это я его на тот свет наладил, – пожал я плечами. – У Громовых с Томилиными как раз война приключилась, и Роман посчитал, что это хороший способ расстаться со своей пассией... радикально. А я, как учитель, должен своих учениц оберегать. Вот и пришлось доказывать ему, что Лине умирать рановато...

– Понятно. – Старик машинально отправил в рот ломтик ветчины и мотнул головой. – Ну ладно, с этим ясно. Но что из того, что Роман молился на латыни? Он же из папистов, хоть и принял православие. Привычка.

– Сомневаюсь, что все паписты перед смертью бормочут девиз Общества Иисуса, – фыркнул я.

Скуратов сверкнул глазами, но тут же притушил не вовремя поднявшуюся волну в Эфире. Интересно, откуда молодой Николаев вообще знает о существовании у Ордена святого Игнатия какого-то девиза? Это не та информация, которую можно легко найти в паутинке или библиотеках... Впрочем, если Громов подошел к делу обстоятельно, то... нет, не вяжется. Не стал бы старый псих так готовить свою «бомбу». К иезуитам должен был попасть растерянный юноша, изрядно поколоченный судьбой и разочаровавшийся в боярах и государе, но никак не знаток традиций и истории Общества Иисуса. С другой стороны, кто знает, что мог найти мальчишка в библиотеке Громовых... Нет, но какое чутье, а?! Вот так, на одних ассоциациях, связать подставу Бельских и «Северной Звезды» с «Гончими» Томилина... Все-таки кровь не водица...

Никита Силыч вздохнул. А что, может, действительно поговорить с государем, пускай передаст боярский титул Скуратова Кириллу? Грех же такую линию терять. Пусть Скуратов никогда не был склонен переоценивать значение евгеники для одаренных, все-таки, будучи грандом Эфира, он имел собственное мнение о наследовании Дара и способах его развития. Но в данном случае

просто жаль труда поколений его предков, выпестовавших в роду такую вот «линию интуитов и аналитиков», как выразилась однажды о них дочка... а она ведь знала, о чем говорила. Мастер евгеники, как-никак... стоп. Кирилл же только что рассказывал о своей «неземной любви» к младшей Бестужевой! Это что же получается... дочкина работа? Ну Люда, ну экспериментатор! То-то она так легко согласилась уйти за мужем под начальство его старого приятеля. Все просчитала и ничего не сказала отцу, умница эдакая.

Эх, если бы не та злосчастная авария... нет, понятно, что дочь не стала бы просить за мужа перед Никитой Силычем. Да и сам Скуратов скорее отрубил бы себе руку, чем признал наследником рода отпрыска Георгия Громова... Но ведь он и сам не вечен, а внук после смерти Скуратова вполне мог бы претендовать на его титул – если не сам, то как регент собственного ребенка точно. Потому как очевидно, что дочка очень хорошо постаралась с выбором невесты для своего сына, и линия Скуратовых в будущих детях Кирилла будет не ослаблена, как того можно было бы ожидать при подобном наследовании, а, наоборот, усилена. В этом можно не сомневаться. О да...

Скуратов-Бельский грустно улыбнулся хитроумию и таланту дочери. Его радость, его горе...

Привычно загоняя застаревшую боль, стегая ее спасительной яростью, холодной и расчетливой, Никита Силыч глубоко вздохнул и, чувствуя, как успокаивается всполошенный этой вспышкой злости Эфир, невольно усмехнулся. Точно так же непокорные потоки этой вездесущей силы шарахаются от старого гранда, когда он вспоминает о том, как пришлось оставить титул. О, кто бы знал, как бесила его одна только мысль, что Бельские наследуют его имя. Если бы не нелепая смерть младшего брата на давно отгремевшей войне, то и после ухода Никиты Силыча род Скуратовых-Бельских продолжился бы младшей ветвью. Но увы. Брат сгинул где-то в огненных полях за Одером, не оставив наследников... А теперь благодаря дочери у их рода появился шанс. И он им обязательно воспользуется. Но воистину этим миром правят мертвецы!

Никита Силыч скользнул взглядом по фигуре внука, по его лицу... и как будто себя в молодости увидел. Хм... а мальчишка не так прост. Кажется, даже эфирный ураган, вызванный воспоминаниями деда, его не затронул. Старик присмотрелся к Кириллу... и удивленно хмыкнул. Потоки Эфира вокруг тела юноши только что строем не ходят, если можно так выразиться. Экий... дрессировщик-укротитель, однако. Понятно, почему он никак не отреагировал

на возмущение Эфира. Его-то оно никак не коснулось... глаз урагана... ха. Гранд, одно слово. Прав был цесаревич... Что ж, может быть, оно и к лучшему? Паренек явно не сможет прожить жизнь спокойно, как и положено заштатному мещанину. Ни одному гранду такого еще не удавалось, несмотря на то что своего статуса они достигали, будучи уже далеко не юношами. Есть, есть что-то такое в их даре, не дающее лениво разлечься на печи... А тут – гиперактивный пятнадцатилетний паренек на самом гребне гормональной волны, и он уже гранд... Как бы беде не случиться... А за разрушенную столицу государь по головке не погладит точно...

Отвлечшись от каких-то своих дум, и явно нелегких, судя по тому, как бурлил Эфир, дед наконец вернулся на грешную землю и потянулся к кранику бочонка. Ну да, опомнился, называется. Он тут будет в эмпиреях витать, а я сиди, скучай в ожидании? Вот уж на фиг.

– Кхм, мы что, уже все выпили? – мимоходом удивился Никита Силыч и заорал так, что у меня уши заложило: – Ефимий, щучий сын! Тащи второй бочонок!

Очередной дубовый толстячок оказался на столе быстро и незаметно, а Ефимий так же быстро исчез из комнаты. Старик проводил его взглядом и, убедившись, что тот достаточно плотно закрыл за собой дверь, наполнив обе чарки до краев, усмехнулся мне в лицо.

– Ну что, Кирилл Николаевич, будем делать из тебя настоящего гранда?

– Э-э? – А что тут можно было ответить!

Серебро в наших руках глухо звякнуло, и... хотелось бы сказать, что предложение Скуратова-Бельского было мною тут же с благодарностью принято, но нет. Мы еще добрых три часа обсуждали условия моего обучения, и только договорившись о частностях, которые дед так и норовил назвать мелкими и несущественными, хлопнули по рукам. Ну, это для него были мелочи, а вот я придерживался другого мнения. Особенно касательно сроков и графика учебы. Да и учебой в полном смысле слова это было не назвать. Скорее уж курсы повышения квалификации.

Как бы то ни было, но по результатам нашей договоренности мне пришлось поставить крест на планах по скорому возвращению домой. Правда, в ходе беседы я выторговал себе пару выходных на празднование Нового года и православного Рождества, но вот о затее получить сертификат о полном среднем образовании сразу после окончания рождественских каникул, кажется, придется забыть. Я просто физически не успею подготовиться к экзаменам.

- Чего скис, Кирила? - усмехнулся дед.

- Да вот хотел директору гимназии пилюлю подложить, а теперь, боюсь, у меня на эту затею не хватит времени, - задумчиво протянул я.

- Ну-ка, ну-ка... - заинтересовался Скуратов. - Рассказывай, что ты там задумал.

- Да ерунда. Он ведь давил на плохую успеваемость, прогулы... В общем, в документах об отчислении выставил меня таким не желающим учиться дебилом. - Я развел руками. - Понятное дело, что, если вздумаю подать документы в другую школу, характеристику и полный приказ из гимназии там затребуют вместе с промежуточными итогами моего обучения, которых просто нет, поскольку триместровых контрольных я не писал и тестов не сдавал. И сильно сомневаюсь, что написанное там понравится тем, кто будет читать это творчество моего бывшего директора, так стремившегося угодить моему бывшему опекуну. Вот при получении этих документов я и задумал ответить на эту гадость, так сказать, асимметрично.

- То есть?

- Сдать экзамены экстерном в городском образовательном совете, после рождественских каникул, - со вздохом ответил я. - А теперь придется перенести эту затею на февраль, если не на март.

- Думаешь, твоему бывшему директору будет хоть какое-то дело до этого? Мальчишеская выходка, и только. А если ты умудришься провалить экзамены и сам сядешь в лужу, так это и вовсе будет ему только в радость, - фыркнул дед.

- Может быть. Но в своих силах я уверен, а директор может делать вид, что ему нет никакого дела до отчисленного им ученика... но только до тех пор, пока об этом курьезе не станет известно в свете. Думаю, попечители оценят такую

демонстрацию профессиональных качеств господина директора по достоинству. – Я позволил себе легкую ухмылку. – А уж если слухи о педагогической «удаче» директора гимназии пройдут литературную обработку Елены Павловны...

– Елены Павловны? Ты имеешь в виду Великую Мегеру? – Дед расплылся в широчайшей улыбке и захохотал. – Кирилл, беру свои слова назад! В таком виде твоя идея просто обречена на успех. Если, конечно, ты сможешь получить сертификат... Впрочем, тут я могу тебе помочь, в рамках нашей договоренности. Что скажешь?

– Возражать не буду точно, – согласился я. – Когда приступим?

– Да вот завтра с утра и начнем. – Дед бросил взгляд на часы, стоящие на столе, и хмыкнул. – Точнее, уже сегодня. Время – третий час ночи, так что давай-ка, внучок, по кельям и баиньки. Подъем в монастыре в шесть, а ты хоть и не послушник, но уж трудником тебя назвать точно можно, так что устав распространяется и на тебя.

– Устав... а как же это? – Я обвел рукой окружающую нас обстановку и завершил жест хлопком по ополовиненному бочонку.

– У Аркажского монастыря в некотором роде особое положение, как и у его монахов, – чуть помедлив, ответил Скуратов-Бельский. А заметив мою недоверчивую ухмылку, вздохнул. – Трудно объяснить это непосвященному... да и разговор займет много времени. А потому давай перенесем его до удобного момента. Или... можешь расспросить о нашем монастыре своего будущего тестя. Он по долгу службы кое-что о нас знает. Немного, но... и тебе пока большего знать не надо.

– Понятно... Ладно, мне не к спеху, – кивнул я, поднимаясь с кресла. Значит, по долгу службы, да? Интересно... очень. Впрочем, пока это действительно ни к чему. Но зарубочку в памяти насчет Бестужева-старшего я сделаю.

– Вот и договорились. – Старик поднялся следом. – Я позову Ефимия, он тебя проводит. Ты бреешься?

– Хм, пока нет. – Для верности, я даже рукой по щеке провел. – А к чему вопрос?

– Чтобы отдать правильные указания Ефимию, – усмехнулся Скуратов. – А то с него станется с утра потащить тебя к брадобрею, как всех наших послушников и трудников. Оно тебе надо?

М-да уж, терять полчаса сна только потому, что ретивый «погонщик послушников» решит приобщить меня к тайне бритья, как это необходимо по уставу монастыря, мне как-то не очень хочется.

Попрощавшись с дедом, я последовал за все тем же Ефимием и, миновав пару лестниц и несколько гулких коридоров, оказался перед одной из низких, глубоко утопленных в стену дверей. Честное слово, не знай я, что нахожусь в монастыре, решил бы, что это тюрьма. Впрочем, обстановка в келье совсем не напоминала камеры. Небольшое квадратное помещение с белеными стенами, простая, но добротная мебель... Шкаф для одежды, для книг, бюро с удобным креслом, мягкая кровать... И дверь, ведущая в ванную, где, как в хорошем отеле, есть все необходимое для приведения себя в порядок. Да, похоже, Аркажский монастырь действительно особое место.

Поблагодарив сопровождавшего меня монаха и получив от него ключ от кельи, я наконец остался один и, последовав совету одной книжно-киношной героини, решил перенести размышления о встрече с дедом на завтра. А сейчас – в душ и спать!

Глава 2

Отелло расвирепело

Когда Никита Силыч заявил, что я должен подчиняться уставу монастыря, я и не думал, что дело пойдет так далеко. Но уже утром следующего дня бывший вчера таким покладистым и незаметным брат Ефимий почти мгновенно доказал, что его начальник вовсе не имел цели меня напугать, а лишь констатировал факт. Так что сразу после скудного завтрака, куда Ефимий меня буквально отконвоировал, чтобы я опять не сбежал, как с церковной службы часом раньше, меня определили на работы... в информационном зале. Ага, у меня глаза на лоб полезли, когда я увидел, что именно здешние монахи понимают под словом

«библиотека». Где ряды пыльных книжных полок, где фирменная библиотечная тишина? Экраны, экраны, экраны... И куча народу в одинаковых темно-серых балахонах, носящихся меж вычислителей и сетевых стоек, спорящих, потрясающих друг у друга перед носом какими-то распечатками... На новичка – ноль внимания. А зачем, если персонально за мной наблюдает как минимум двадцатка стационарных фиксаторов? Так началась моя учеба в Аркажском монастыре.

Признаюсь, даже за оставшиеся несколько дней до Нового года я успел узнать много нового, и не только по школьной программе, но и в области Эфира. Да и сам смог кое-чем удивить занимавшегося со мною деда. Например, его поразило, с какой скоростью я освоил ускоренное восприятие. А я все мучился, пытаюсь скрыть сопутствующие ему укрепление и усиление тела. Разгон это, обычный мой разгон! Ну почти.

Ну да, кто бы мог подумать, что им можно пользоваться для подготовки к экзаменам? И ведь ничего сложного. Да, Там я бы не мог продержаться в подобном режиме даже в лучшие свои годы больше нескольких минут без того, чтобы не рухнуть в обморок от истощения, но здесь-то у меня такой проблемы нет. Вон когда бежал закапываться в могилку, что устроила для меня Ирина Михайловна, я же под разгоном почти пятьдесят километров одолел. И ничего. Устал, конечно, как собака, но не до обморока же. Возникни в том нужда, я бы еще столько же отмахал. Черт, да я, закапываясь после той пробежки, вымотался больше, чем за время, потраченное на бег от усадьбы Громовых до карьера. Инерция мышления, должно быть.

Для меня разгон всегда был боевым приемом, а Скуратов наглядно показал, для чего ускорение восприятия используется эфирниками. Вычисления, усвоение и анализ информации и прочие вещицы в том же духе. Кстати, именно под таким вот ускорением дед и размышлял над моим рассказом во время нашей первой встречи. И как он сам потом признался, ему тогда пришлось несколько раз почти полностью отключаться от внешнего мира, поскольку на просчет такого большого количества вариантов и вероятностей обычным способом ушло бы не меньше недели. Страшно подумать, во сколько раз ему пришлось «разгонять» свои мозги... И как они после такого издевательства вообще у него из ушей не вытекли.

А еще, демонстрируя эту технику, дед не преминул несколько раз повторить, что, находясь в таком состоянии, двигаться нужно очень медленно и плавно,

потому что уже двойное ускорение восприятия может привести к травмам. О возможном усилении и укреплении тела здешние гранды, как я и подозревал, даже не догадываются. Тоже инерция мышления, наверное. Ну и черт с ним. Им же хуже. А раскрывать свои умения, выворачивая карманы и выскребая их до доньшка на потеху любопытным, я не собираюсь. Тем более что я до сих пор так и не смог разобраться с одной очень важной вещью. А именно – зачем вообще Скуратов-Бельский нарисовался в моей жизни... Или, точнее, зачем я ему понадобился.

Можно было бы, конечно, попытаться задать ему этот вопрос в лоб, но где гарантия, что я получу честный ответ? Или вообще хоть какой-то ответ, кроме делано-разочарованного вида и сожаления, что «молодежь совершенно позабыла о том, что такое родня». С него станется...

Празднование Нового года и Рождества, на которые Скуратов-Бельский с кряхтением отпустил меня в столицу, прошло штатно и без сюрпризов. И кстати, кряхтел дед вовсе не потому, что не хотел расставаться с неожиданно обретенным внуком, а потому что для поездки домой я стряс с него монастырский экраноплан. И все-таки дожал. Впрочем, долго изображать сердитого деда он не стал. Даже подарком одарил. Миниатюрным таким пистолем вычурного вида, больше похожим на наградную игрушку – из тех, что главнокомандующие дарят своим генералам с тем же намеком, с которым Гитлер сделал Паулюса фельдмаршалом.

Хмыкнув при виде подарка и поблагодарив за него, я попрощался со Скуратовым-Бельским и, выслушав заигравшегося в заботливого родственника старика, наставлявшего зачем-то почаще вспоминать о членстве в клубе «Девяточка» и всех привилегиях, которые дает мой абонемент – «его номер, я надеюсь, ты не забыл, внучок, хе-хе?», – я постарался побыстрее покинуть окрестности монастыря. Подальше от учебы, поближе к праздникам! В конце концов, я соскучился по своей невесте!

Экраноплан доставил меня в столицу за считанные часы. Не самолет, конечно, но уж точно побыстрее, чем на поезде или дирижабле. Да-да, воздухоплаватели и аппараты легкого воздуха здесь вовсе не развлечение, а обычный вид воздушного транспорта. Впрочем, самолеты тоже имеются, но используются они по большей части военными. А на долю гражданской авиации остаются лишь вертолеты, летающие туда, куда невозможно протянуть железную дорогу, да немногочисленные «джеты», используемые сильными мира сего. И кстати,

не каждый род может позволить себе содержание личного борта, да и вообще реактивной авиации. Привилегия, даруемая монархами, не хухры-мухры. А про боевые самолеты можно вообще не заикаться, даже винтовые. Князьего мятежа в России всему миру хватило. Посмотрели, ужаснулись, запретили. С тех пор боевая авиация принадлежит исключительно государствам. Это при том, что в некоторых странах у именитых даже собственные военные корабли имеются.

Как бы то ни было, чтобы добраться до Москвы, мне хватило и экраноплана, так что оба праздника – и Новый год, и Рождество – я встречал в обнимку с Олей. И единственным событием, немного омрачившим радость праздника, было заявление Бестужева-старшего о его отставке с должности. Впрочем, сам Валентин Эдуардович по этому поводу особо не унывал. Он вообще, кажется, воспринял свое новое положение отставника с заметным облегчением.

А вот Ольга явно намеревалась записаться в трудоголики, так что мне с большим трудом удалось вытащить ее из бестужевского гаража. Впрочем, от этой ее одержимости техникой был определен толк. К концу моего пребывания в монастыре нареченная с Роговым смогли отладить два из пяти «Визелей» и, убедившись, что все работает штатно, взялись за третий, одновременно начав поглядывать и облизываться на «монстрика». Но тут их ждал грандиозный облом. Потому как единственной частью спасплатформы, которую я готов был отдать в их очумелые ручки, был «филей» моей вырвиглазной машинки, так как именно там размещались пожарные скафы, место которых по плану должны были занять два наших с Олей ЛТК, вместе со своими сервисными системами. Остальным по идее должны были заняться профессионалы из одной небольшой фирмочки, занимавшейся строительством домов на колесах на базе континентальников. Саму фирму отыскала Ольга, убедив меня, что эти ребята знают толк в своем деле. И она же взяла на себя труд общения с подрядчиком, благо необходимый минимум требований мы с ней успели выработать заранее.

Технари фирмы оказались такими же фанатиками, как и Оля с Жорой. А уж когда они увидели основу, над которой им предстояло потрудиться... В общем, думаю, вырвать у них из рук этот заказ можно было, только отрубив эти самые руки и проредив челюсти, чтобы не вцепились в него зубами, либо снизив стоимость работ. Мироеды от пролетариата, чтобы им... Сорок тысяч только по предварительным подсчетам! А если учесть цену самой платформы, это же вообще получается цена обоих ЛТК... Без СЭП[1 - Система эфирного

противодействия.] и вооружения, но тем не менее.

Правда, первый предложенный Ольге проект модернизации спасплатформы, как и последующие два, мы с ней безжалостно зарубили. Просто потому что дизайнеры фирмы явно как-то неправильно поняли суть заказа и попытались сначала втюхать нам проект борделя на колесах, потом что-то гламурное со стразами и обитыми зебрячьей кожей диванами, и лишь когда мы отклонили третий вариант, представлявший собой какой-то дичайший хайтек с роботизированным унитазом, эти рисовальщики догадались все же прислушаться к мнению заказчика и советам собственных технарей, уже успевших раскидать спасплатформу на части и теперь изнывавших от нетерпения и желания приступить к работе. Правда, для этого пришлось навестить эту самую фирму лично.

Это было даже забавно, и, в отличие от Ольги, я не особо злился, рассматривая очередной безумный проект дизайнеров, почему-то решивших, что в универсальной платформе, предназначенной для поездок по пересеченной местности, обязательно должен быть «погребок» для коллекционных вин. Ну, чтоб понятнее было, это все равно что поставить в танк аудиосистему hi-end класса, причем ламповую. То есть запихнуть можно... но смысл?!

Как результат, Ольга, смяв распечатку последнего из предложенных дизайн-проектов, тяжело вздохнула и потянула меня на встречу с представителями фирмы-подрядчика. Но вместо того чтобы рвать в клочья выдумщиков-дизайнеров, оказавшись на территории предприятия, она тут же свернула в сторону гаражей, где в открытых воротах как раз виднелся остов нашей платформы и сложенные у стены характерно-оранжевые панели ее корпуса.

Найти ответственного за фронт работ по нашему заказу оказалось проще простого. Нестарый еще, жилистый, но абсолютно седой дядечка в чистом синем комбезе восседал на стуле чуть в стороне от остова платформы и задумчиво рассматривал раскиданные по полу в ясно видимом только ему порядке детали машины.

– Виктор, если я не ошибаюсь... – пропела Оля, отвлекая задумавшегося технаря от созерцания того, что еще недавно было новенькой спасплатформой.

– Он самый, – бросив на мою нареченную короткий, но тут же замаслившийся взгляд, ответил он и, подскочив с места, договорил уже куда более дружелюбным тоном: – Виктор Брыкин, старший техник. А вы? Стоп, вы – Ольга, да? Это с вами мы обсуждали возможность модернизации сплatformы? Я вас узнал, но в жизни вы куда красивее, чем на экране коммуникатора.

М-да, красота – страшная сила. Мы только вошли, а этот самый Виктор уже вьюном вьется вокруг Ольги и заливается что тот соловей. Меня же не видит принципиально. А Оля и рада... Черт! Но как же от этого уroda фонит похоть, а! Меня аж передернуло. Почему-то в голову пришло воспоминание о подвале на базе наемников...

Поймав отзвук моих эмоций, улыбаясь технику нареченная бросила на меня короткий взгляд и чуть растерянно пожала плечами. Мол, я не хотела, он сам пришел... Ну-ну. Эмоциональный щит захлопнулся так, что Оля вздрогнула... и зашарила по Эфиру в поисках оборвавшейся связи между нами. Я ревную? Ну... да. И что?

– Виктор, отвлекитесь на один момент от общения с моей невестой.

Холодный тон юнца, пришедшего вместе с очаровательной заказчицей, заставил старшего техника недовольно поморщиться.

– Извините, молодой человек, но я занят беседой с клиентом. Если у вас есть заказ, обратитесь в офис компании, – бросил он, отмахиваясь от мальчишки.

– Однако какое трепетное отношение к заказчикам... Что ж, спасибо за совет. – Парень улыбнулся и занялся своим браслетом. Вот и замечательно. Пускай фигней страдает, а Виктор займется этой цыпочкой. Хм, а что это она так растерянно смотрит? А... стоп, это его невеста? Ну и черт с ним, не жена ведь, а жених не муж... да и муж не стена, подвинем.

Да только не успел Виктор распушить хвост перед красоткой, как в ангар даже не вошел, а влетел директор фирмы. Старший техник поморщился, поняв, что его сейчас опять прервут, и уже приготовил для цыпы витиеватые извинения с одновременным предложением о встрече за чашкой кофе... Но директор, не обратив ровным счетом никакого внимания на Виктора, остановился перед

юнцом.

- Добрый день, Сергей, - улыбнулся мальчишка.

- Здравствуйте, Кирилл, - кивнул директор, и Виктор помимо воли насторожился. - Что-то случилось?

- Да не то чтобы... - пожал тот плечами. - Вот приехали с невестой переговорить о проекте, поскольку у дизайнеров ваших явно фантазия куда-то не в ту сторону работает. Ну а перед тем как вправлять им мозги, решили взглянуть на машину. И знаете, как-то желание забрать заказ крепнет каждую минуту.

- Стоп-стоп-стоп, Кирилл. Подождите, - нахмурился директор. - Как забрать? Почему?

- Потому что ваши специалисты ни во что не ставят мнение заказчика. И ладно бы это касалось технической части, в которой я, в отличие от моей невесты, полный профан, но ведь они же никак не могут взять в толк, что мне нужна не машина для эпатирования публики и покатушек на пикник, а полнофункциональный жилой модуль на колесах, с большим сроком автономности. Это раз. Ну и второе - это грубость вашего технического персонала, граничащая с оскорблением. Я, конечно, понимаю, что общаться с красивой девушкой куда приятнее, чем разговаривать с заказчиком, но, если не ошибаюсь, у господина Брыкина сейчас рабочий день... не так ли?

Виктор, до которого начало доходить, что он только что своими руками чуть не лишил фирму как минимум четверти годового дохода, похолодел. Дьявол! Опять у него проблемы, и опять из-за баб! Да сколько можно-то?!

Переговоры закончились вполне успешно. Ольга взяла на себя техническую часть, а я занялся, так сказать, начинкой будущего жилого модуля. Вправить мозги дизайнерам удалось довольно просто. Достаточно было продемонстрировать им военный образец подобного модуля, производимый все тем же пресловутым «Гром-заводом», и дать лишь одно пояснение-требование: то же самое, только комфортнее. И фантазеры под тяжелым взглядом директора компании тут же понимающе закивали. Фух, зато теперь я мог быть уверен, что в машине не появятся «уникальные по своим характеристикам материалы»,

«дверные ручки из белого золота», «эксклюзивное дерево в отделке, с тщательно подобранным рисунком», и прочие выверты удовлетворяющих свои комплексы нуворишей. Единственное, что негативно отразилось на моем настроении после переговоров, это расстроенные взгляды Ольги и ее обида... Можно подумать, это я перед тем технарем попой крутил!

Не обратив никакого внимания на просьбу нареченной отвезти ее в бестужевскую усадьбу, я довез ее до своего дома и чуть ли не отконвоировал в гостиную. И лишь усадив за стол и поставив на него пару чашек кофе, я опустил щиты, чтобы тут же получить мощнейший удар непонимания и обиды в эмоциях невесты.

– За что, Кирилл?! – поняв, что связь вновь заработала, вскинулась Оля, запыхав гневом. Словно рубильник перекинули.

Я вздохнул и, отыскав в шкафу сигареты, прикурил последнюю оставшуюся в пачке. Машинально запущенное воздушное воздействие тут же потянуло поднявшийся дымок напрямиком в открывшуюся форточку.

– Оля, успокойся, пожалуйста, – попросил я, наблюдая, как нареченная все больше и больше ярится.

– Успокоиться? Мне? А может, это тебе нужно было успокоиться еще там, в ангаре?! Выставил себя ревнивым идиотом! А меня полной дурой! – вспыхнула Ольга.

Я внимательно посмотрел на нее и... пожал плечами. А что тут скажешь, если она не чувствует Эфир так, как я, и пока не умеет воспринимать чужой эмоциональный фон? Но объясниться как-то надо... На фиг мне нужны домашние скандалы?

Я отключил оповещение сигнализации, предупредившей о приближении какой-то машины, и вздохнул.

– Ты приняла поползновения этого технаря за обычный флирт? Так я тебя разочарую, милая. Это была похоть... причем в чудовищной концентрации! Поверь, я не ошибаюсь. Последнему человеку, лелеявшему те же мысли о тебе, что и этот Виктор сегодня, я перерезал горло. Это было в подвале базы

наемников «Северной Звезды».

Я взглянул в глаза невесты и застыл. От нее плеснуло страхом, а в следующую секунду Оля закрылась от меня.

Кажется, я сделал только хуже...

– Ты... ты маньяк! – Ольга подскочила со стула и, схватив с вешалки куртку, рванула на выход... чтобы застрять в дверях, нос к носу столкнувшись с Хромовым. – Аристарх Макарыч, мы едем домой. Отвезете меня?

– Прямо сейчас? – недоуменно переспросил тот и, получив в ответ решительный кивок, растерянно пожал плечами. Наверное, он хотел что-то спросить, но Ольга уже потянула его на выход.

Останавливать? Зачем? Пусть успокоится, потом поговорим. Сейчас она все равно никаких слов и объяснений не поймет. Просто не захочет.

Хлопнула входная дверь, и в доме воцарилась тишина. М-да, дипломат из меня получился хреновый. И косноязычный. Ну вот что мне стоило начать объяснения с принципов эмоциональной чувствительности? Блин, да этот урод готов был Ольгу прямо там разложить! Что я, не понял, что ли? Меня же его похотью чуть с ног не сбilo, так что самому закрываться пришлось. А эта... Да ну его все к черту!

Я затушил так и не выкуренную мною, сгоревшую в пепельнице сигарету и, пошарив по карманам, чуть не сплюнул. Последняя. Ну вот, все не слава богу...

Оглядевшись по сторонам, растерянно хмыкнул... И что мне теперь делать? Я бездумно зашагал по комнате, касаясь то одного предмета обстановки, то другого, а перед мысленным взором застыл страх в глазах Ольги... Не-не-не... Ну его все куда подальше. Мне нужно проветриться.

Встрепенувшись, я направился в спальню, а когда перешагнул порог, браслет на моей руке вдруг затрезвонил. Оля? А, нет... Вердт.

Хм. Я перевел взгляд с браслета на оружейный сейф. Полигон бронеходов или «Девяточка»? Но тут же опомнился и ответил на звонок.

– Здравствуй, Вячеслав. – Я натянуто улыбнулся.

– Здравствуй, здравствуй, друг мой! – откликнулся бронеходчик. – Кирилл, ты не забыл, что на завтра у тебя назначена встреча?

Честно говоря, я даже сначала не понял, о чем речь. А когда до меня дошло...

– Э-эмм... Разумовский, да? – вздохнул я.

– О! Замечательно. Помнишь, значит. Это хорошо. А то ты как исчез перед праздниками, так ни слуху, ни духу. Я уж было подумал, что ты с концами пропал, – рассмеялся Вячеслав. – Ладно, встретимся на месте. На всякий случай напомню: дуэль в половине первого, без оружия, в Малом Манеже.

– Спасибо за напоминание. Я действительно чуть не забыл, – развел я руками. – Кстати, насчет встреч. Не хочешь навестить сегодня стрельбище в Преображенском? Я угощаю...

– С превеликим удовольствием, друг мой, – довольно кивнул Вердт. – Во сколько?

– Ну, давай через часок. Подъезжай к «Девяточке», я скажу, чтобы тебя встретили, – прикинув время, ответил я.

– Понял. К восемнадцати ноль-ноль буду на месте. До встречи, Кирилл Николаевич.

– Буду ждать, Вячеслав Еремеевич. – Я слабо улыбнулся в ответ.

Завершив разговор, я хмыкнул. Вот так. И бронеходы, и тир разом. Это хорошо. Ну что ж, буду собираться. Кстати! Я ведь действительно совсем забыл о завтрашней дуэли! Надо же перенести визит учениц на другой день. А то кто его знает, как повернется дело. Прилетит мне, как в том поединке с бретером, и занятие сорвется... Не дело.

Быстро набрав текст сообщения с предупреждением о переносе следующего урока, я разослал его ученицам и принялся собираться в тир. Рюгеры, зауэры... хм, интересно, а с чего это у меня исключительно германский арсенал собирается, а? А если еще и «Визели» вспомнить... Я тряхнул головой, прогоняя мысли, по ассоциации вновь убежавшие к нашей с Ольгой ссоре, и взялся за снаряжение магазинов. Точно, надо отвлечься.

В тире мы с Вячеславом настролялись до звона в ушах и дрожания в руках. А вернувшись домой, я еще и небольшую тренировку себе устроил, чтобы уж наверняка отрубиться, едва голова коснется подушки. Меня совсем не привлекала мысль полночи крутиться в кровати, переживая события этого дня. Тем более что завтра мне потребуется свежая голова и все мои силы.

Разумовский, судя по тому что рассказал мне о нем Вердт, боец не из последних. Молод, да, но воя он взял три года назад и сейчас уверенно глушит даже некоторых середнячков. Хотя со старшими вроде бы пока не сталкивался... В общем, нужно быть предельно аккуратным и осторожным. А значит, спать!

Следующим утром я поднялся выспавшимся и спокойным, как удав. Вымылся, оделся в чистое и, отказавшись от завтрака, начал собираться. Время приближалось к одиннадцати утра, так что через полчаса можно было выдвигаться. Я глянул на браслет, где светилось три сообщения от учениц, согласившихся с переносом занятия. Ольга не ответила... Отставить! У меня еще будет время побиться головой о стену. А сейчас – спокойствие, только спокойствие, как говаривал один летающий трикстер. Впереди бой, так что все переживания побоку.

Рыжий взревел мотором и, ломая ледок на лужах просеки, помчал к шоссе, а оттуда в центр города, к Малому Манежу, еще лет триста назад ставшему почти официальным местом решения вопросов чести меж одаренных.

Поздоровавшись с Вердтом и его спутником, худым и нескладным, как Жорик, только нет пока у Рогова той же уверенности в себе, что имеется у полкового врача московских бронеходчиков, привезенного моим секундантом согласно протоколу этой дуэли. Я уселся на одну из лавок, что окружили площадку пустого Манежа, и, закурив сигарету из любезно купленной для меня Славой пачки, задумался.

В отличие от того же бретера или даже Вердта, Разумовский на памятном пиру у Бестужевых оскорблял не меня, а род Бестужевых и конкретно Ольгу. Нагло и беспардонно настолько, что это удивило даже привыкших всегда держать лицо гостей. Рисковал, между прочим. Но слышавший его речь Валентин Эдуардович лишь снисходительно улыбнулся и двумя словами очень вежливо и внешне пристойно окунул молодого боярича в дерьмо. Не сомневаюсь, что у него были свои резоны для такого ответа, а вот у меня их не нашлось. Нет, если бы Разумовский ограничился оскорблениями в сторону рода Бестужевых, я бы не смог вмешаться. Призвать к ответу хама – в этом случае исключительное право главы рода. Но Разумовский сделал ошибку: он задел мою невесту, и спустить его оскорбление на тормозах я не мог. Не имел права.

Хлопнули двери Манежа. А вот и мой противник пожаловал со своим врачом и секундантом. Подтянут, бодр и весел. Замечательно. Повеселимся вместе.

Обменявшись приветствиями с секундантами, мы с Разумовским подождали, пока те решат последние формальности, и, отказавшись от примирения, одновременно шагнули на песок манежа. Ровно и мощно загудели поднимающиеся над нами куполом щиты, отсчет секунданта, и...

Время послушно замедлило свой бег, и я рванул вперед, прямо под ревущую волну взбудораженного Эфира, сопровождавшего мощную ледяную технику противника. А он на мелочи не разменивается! Ха...

От удара, которого, по логике вещей, он и заметить не должен был, Разумовский ушел. Пусть тяжело и напрягая личную защиту, но уклонился! О-о... да мой противник знает толк в Эфире? Это будет еще интереснее, чем я думал. Рву дистанцию, но стараюсь не удаляться больше чем на три-четыре шага от Разумовского. Мне совсем не улыбается попасть под площадную атаку, а судя по телодвижениям моего противника, он-то как раз рассчитывает именно на такой ход. Фигу. Не даром же я столько лет бился с близняшками. Научился...

Крутимся по манежу, не сводя друг с друга глаз. В прыжке пропускаю под собой еще один мощный прием из школы Тверди и, уходя в разгон, старательно гашу Эфир вокруг, буквально на грани отвода глаз... Сокращаю дистанцию, и защита Разумовского трещит от серии обрушивающихся на нее ударов напитанных Эфиром ладоней. Противник пытается отшатнуться... ну нет. Линза кинетического щита ему под ноги, и Разумовский слетает со своей «ледяной дорожки» и катится кубарем по песку.

Догнав оглушенного, мотающего головой противника, вскидываю его над землей, не касаясь руками, и еще один кинетический щит, маленький, но напитанный Эфиром до сияния, впечатывается в грудную клетку подвешенного в воздухе Разумовского. Для верности тут же формирую второй, и тот врежется Разумовскому точно в лоб.

Глянув на бесчувственного противника, опускаю его наземь и, повернувшись к секундантам, вопросительно приподнимаю бровь. Щиты манежа падают, и представитель Разумовского кивает.

«Ваша победа», – слышу от него и, облегченно вздохнув, шагаю к Вердту. А в следующий миг Эфир за моей спиной взрывается, вздымаясь широким фронтом. Успеваю понять, что от этого удара по площади мне не уйти никак, просто некуда...

И в спину, в момент разметав судорожно выставленный мною эфирный щит, вонзается что-то горячее... Темнота.

Глава 3

Мелочи жизни

Это воскресное утро началось в усадьбе Бестужевых, как обычно, тихо и спокойно. Поздний завтрак, разговоры ни о чем за столом... Лишь на миг Ольге показалось, что отец чем-то озабочен, да Леонид, едва поев, тут же выскользнул из-за стола и умчался, не дожидаясь фирменного десерта от Раисы. Ну мало ли... Вон у Ольги тоже есть неотложные дела. Хочется закончить оставшиеся «Визели» поскорее. И Жорик вот-вот должен подъехать...

Поблагодарив пассию отца за завтрак, Оля поднялась из-за стола и направилась напрямиком в гараж, где ее действительно уже ждал Рогов, о чем он только что прислал сообщение на браслет. Интересно, а к нему Кирилл ее тоже ревнует?

Вспомнив о женихе, Ольга покачала головой. Последняя его фраза действительно очень ее напугала. Нашел пример, называется... А потом, этот

его перенос занятия. Обиделся, надо же! Девушка фыркнула и прибавила шагу.

От переборки бестужевского «Визеля» фанатики от техники отвлеклись, лишь когда на улице уже стемнело. попрощавшись с Жориком, Ольга покинула гараж и, едва оказавшись в жилой части дома, опешила. Настолько атмосфера отличалась от той, что царила здесь утром. Нет, шумно не было, никаких криков и гвалта. Больше всего происходящему вокруг подходило определение «тихая суета»...

Девушка было насторожилась, но, поняв из обрывков разговоров боярских детей, что все заняты какими-то поисками, махнула на это рукой. Она слишком устала за день, чтобы заморачиваться чьими-то пропажами.

Глянув на браслет, Оля ойкнула и, поняв, что ужин она благополучно пропустила, заколебалась. Можно было бы, конечно, сразу пойти в спальню, принять душ и завалиться спать, но... желудок скромно напомнил о себе. Так что после недолгого размышления девушка свернула в коридор, ведущий в уже пустую по позднему времени кухню. А оттуда, набрав провизии, проскользнула по служебной лестнице на второй этаж и уже через минуту оказалась в своей комнате, надежно отгородившись от внешней суеты запертой дверью.

Уже засыпая, Ольга вдруг вспомнила, что ни вчера вечером, как обещал, ни сегодня Кирилл так и не сообщил, когда состоится следующее занятие... Не похоже на него. С этой мыслью она и заснула.

Утром Ольга бросила взгляд на часы и, возмущенно пискнув, вскочила с постели. До первой пары осталось меньше часа. Проспала!

Ванная, гардеробная... На все про все у девушки ушло полчаса. Окинув свое отражение в зеркале придирчивым взглядом, она хотела уже подхватить с тумбочки рыжий шлем, но тут же отдернула руку и, фыркнув, принялась набирать номер Хромова.

– Да, Оля. Я тебя слушаю. – Глава боярской дружины устало потер покрасневшие от явного недосыпа глаза и откинулся на спинку кресла.

– Аристарх Макарович, мне в университет нужно. Подгоните машину ко входу.

– Э-эмм... Оленька... – Хромов поморщился. – Извини, тут такое дело, сама понимаешь, все машины в разгоне... Хм... но мы что-нибудь придумаем. Подожди минуту...

Оля, честно говоря, ничего не поняла, но спорить не стала. Тем более что не прошло и обещанной минуты, как Аристарх вновь появился на экране.

– Машина у входа, Оля. Езжай. – И отключился.

Обещанной машиной оказался парадный вездеход отца. Бронированное чудовище с флажками на капоте... Хм, кажется, действительно все машины в разгоне, если уж Хромову пришлось выкатывать ей это!

Покачав головой, Ольга хмыкнула и, забравшись на заднее сиденье гигантского «Руссо-Балта», развернула экран коммуникатора. Со всеми этими «Визелями» она совершенно забыла подготовиться к сегодняшнему семинару...

Из университета девушку забирал уже другой автомобиль, чему она была несказанно рада. В университете, где учатся не только именитые и боярские дети, очень не приветствуются такие вот демонстрации своего положения. Так что Ольга даже получила замечание от декана о нежелательности повторения подобных выходов. А неожиданный тест по рунике тем более не повысил ее настроения. В общем, домой Ольга приехала недовольная и злая... Чтобы тут же попасть в загребущие руки близняшек. Оля попыталась было вырваться, но стоящая здесь же новая ученица Кирилла не дала ей ни малейшего шанса. А тут еще и отец нарисовался.

– Что с твоим браслетом? – даже не поздоровавшись, спросил он.

– А что с ним? – не поняла Ольга. Подняв руку, она внимательно взглянула на запястье. Ее дорогой, украшенный золотыми капельками браслет послушно активировался, но связываться с кем-либо не пожелал. – Ой.

– Хм... – Отец покачал головой. – И где же тебе его заглушили-то, а?

– Где-где... В твоем членовозе, – нечаянно вырвалось у Ольги словцо из Кириллова арсенала. И пояснила: – Извини. Я в университет ездила на «Руссо-

Балте», а в нем, сам знаешь, любая чужая связь глушится напрочь.

– Ясно, – хмуро кивнул отец, даже не сделав замечания по поводу столь оригинального имени для парадного автомобиля, и повернулся на звук хлопнувшей двери. – Леня! Ну что?

– Глухо, отец. Никто ничего не знает, – развел тот руками, устало опускаясь на банкетку. Близняшки тут же загомонили что-то вразнобой. Немедленно вклинилась Елизавета Филиппова, а Ольга поняла, что она чего-то не понимает.

– Да что случилось-то?! – воскликнула девушка...

И в холле тут же воцарилась полная тишина. На Оле скрестились взгляды всех присутствующих, включая отца и неизвестно откуда вынырнувшего Хромова.

– Хм, Мила, тебе не кажется, что кто-то вполне может знать ответ на наш вопрос? – протянула Лина, смерив дочь хозяина дома подозрительным взглядом.

– Кажется, Лина. – Руки близняшек сжали запястья Ольги, и два почти одинаковых голоса в унисон прошипели:

– Где Кирилл?

Оля обвела недоуменным взглядом окруживших ее людей и тряхнула головой. Что?

– Не знаю, – проговорила было... И тут до нее дошло. – Что значит «где Кирилл?»! Он что, пропал?

– Она не знает, – гулко констатировал Хромов, не сводя глаз с ошарашенной девушки.

– Понял уже, – вздохнул боярин и махнул рукой. – Идемте в кабинет. Там поговорим. Нечего тут на весь дом орать...

Вся компания гурьбой повалила к лестнице, а Ольга вдруг поймала на себе взгляд близняшек и вздрогнула. Даже в начале их знакомства, когда девушки

совсем не испытывали друг к другу дружеских чувств... Недоверие, злость, раздражение – все это было, но не в такой концентрации!

Оказавшись в кабинете, отец дождался, пока все рассядутся кому где удобно, и только после этого заговорил.

Ольга была в ступоре. Нет, в ужасе! То, что рассказал отец, просто не укладывалось в ее голове. Оказывается, в пятницу, когда она поссорилась с Кириллом, тот прислал всем ученицам сообщение о переносе занятий на неопределенный срок. Всем, а не только ей! А в субботу он отправился на дуэль. Один из тех вызовов, что Кирилл набрал на пиру в честь дня рождения отца... И о котором Ольга, как уже повелось, опять узнала лишь после самой дуэли.

Кто победил, а кто проиграл, неизвестно. Но утром в воскресенье Преображенский приказ арестовал Евгения Разумовского, с которым за день до этого Кирилл дуэлировал в Малом Манеже, а уже после обеда Боярская дума объявила о казни[2 - Речь идет о казни гражданской – о лишении прав и привилегий.] старшей ветви рода Разумовских, наследником которой был дуэлянт. Все их имущество, за вычетом компенсации, постановлено отобрать в казну, герб передан младшей ветви, а сам Евгений Разумовский лишен всех званий и регалий и отправлен в ссылку навечно. Причиной этого решения стало использование Разумовским на дуэли не оговоренного в протоколе артефакта «Малый Центавр», установленного на автоматическую активацию по условию.

А Кирилл исчез... вместе с секундantom и полковым врачом московских бронеходчиков. В полку, по уверениям офицеров и лично полковника Вяземского, их нет, дома тоже. Приказные мечутся по столице как ужаленные.

– Вчера, пока ты копалась в гараже с... машинами, мне нанес визит мой... бывший коллега Исидор Разумовский с новым главой рода. Войны не будет. Род отрекся от Евгения сам, еще до решения государя и Боярской думы, – закончил свой рассказ боярин Бестужев и поднял глаза на дочь. – Вот такие дела, Оленька. Мы подумали, что ты можешь что-то знать о местонахождении Кирилла... Уж больно спокойной ты выглядела.

– Я не зн-нала, – выдохнула Ольга, чувствуя, как живот сводит от страха, а в груди поднимается волна паники. На глаза навернулись слезы, перехватило

горло... но она все-таки выдавила из себя окончание фразы: – Мы пос...
поссорились в тот вечер... и Аристарх М-макарович отвез меня домой. И-и все...

– Успокойся, дочь. – Голос донесся до нее словно издалека.

Она обвела комнату взглядом. Темно... холодно...

Резкий удар наотмашь по щеке вырвал девушку из едва не начавшейся истерики.

– О чем вы спорили? Почему поссорились? Рассказывай. – Оля посмотрела на того, кто посмел ее ударить, и ошеломленно охнула. Леонид вперился в сестру тяжелым, совершенно отцовским, немигающим взглядом. – Ну!

Оля покосилась на внимательно наблюдавшего за ними боярина, но тот даже не пошевелился. Просто ждал. Девушка с силой втянула носом воздух и, вспомнив о тренировках, задышала так, как учил ее Кирилл. Такая гимнастика действительно успокаивает... хоть чуть-чуть...

– Мы обсуждали присланный нам проект модернизации купленной Кириллом спасплатформы... – почувствовав, что уже может говорить не срываясь, произнесла Ольга. А когда закончила оказавшийся довольно коротким рассказ, завершившийся ее отъездом из дома Кирилла вместе с так удачно завернувшим в гости Хромовым, в кабинете повисла тяжелая тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Система эфирного противодействия.

2

Речь идет о казни гражданской – о лишении прав и привилегий.

Купить: https://tellnovel.com/ru/demchenko_anton/vozdushnyy-strelok-grand

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)